

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЭЛКО ВАН КЛЕФФЕНС И ЕГО РОЛЬ В УСТАНОВЛЕНИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СССР И НИДЕРЛАНДАМИ

За любыми историческими событиями всегда стоят конкретные люди, каждый из которых играл в них свою роль. Дипломатические отношения между Нидерландами и Советской Россией (а затем и СССР) отсутствовали на протяжении почти четверти века. Небольшое западноевропейское государство не приняло участия в «полосе признания» Советского государства и упорно придерживалось выбранной линии. Элко ван Клеффенс, занимавший пост министра иностранных дел Нидерландов в 1939–1946 гг., был одним из тех, кто непосредственно участвовал в подготовке подписания соглашения между СССР и Нидерландами об установлении полноценных дипломатических отношений, 75-летний юбилей которых будет отмечаться в 2017 г.

Отечественная историография Элко ван Клеффенсу практически не уделила внимания: изредка его имя упоминается в работах по внешнеполитическим вопросам, имеется небольшая статья в «Дипломатическом словаре» 1948 г.¹, а также опубликованная в 1942 г. рецензия тогда еще только начинавшего путь в науке историка Н. А. Ерофеева «Джаггернаут идет по Голландии. Свидетельство голландского министра иностранных дел о нападении на Нидерланды»² на изданную в 1941 г. книгу министра Ван Клеффенса³, в которой речь шла не только об оккупации Нидерландов фашистской Германией, но и давался содержательный очерк о нидерландской внешней политике в предвоенный период.

Э. ван Клеффенс родился 17 ноября 1894 г. в Херенвейне, в провинции Фрисландия. Его отец Хенрикус Като ван Клеффенс (1861–1942) происходил из фризского рода, представители которого традиционно занимались государственной службой. Мать Элко была родом из Гронингена, она рано ушла из жизни, сыну в тот год исполнилось лишь 11 лет. После ее смерти отец еще дважды был женат.

Агафонова Елена Леонидовна – аспирантка Института всеобщей истории РАН. (Москва, Россия).

¹ Дипломатический словарь. Ред. А. Я. Вышинский, С. А. Лозовский. М., 1948, т. I, кол. 329.

² Ерофеев Н. А. Ван Клеффенс. Джаггернаут идет по Голландии. Дальнейшие документы о политике расширения войны западными державами. – Исторический журнал, 1942, № 1–2, 1942, с. 174–176.

³ Данная работа Э. ван Клеффенса (*Kleffens E.N. van. Juggernaut over Holland. The Dutch Foreign. Ministers Personal Story of the Invasion of the Netherlands. New York, 1941*) является вторым изданием ранее опубликованной в Лондоне книги Ван Клеффенса «Насилие над Нидерландами» (*Kleffens E.N. van. The Rape of the Netherlands. London, 1940*). Она вышла из печати в Лондоне и на нидерландском языке (*De overweldiging van Nederland. London, 1941*), тираж был тайно переправлен в оккупированные Нидерланды, где книга нелегально распространялась.

Юные годы Элко провел в Гронингене, затем в 1909 г. семья переехала в Гаагу, куда Ван Клеффенс-старший был переведен по службе⁴. Там же в Гааге в 1913 г. Элко окончил гимназию, получив по всем предметам превосходные оценки⁵.

Отец Элко уделял большое внимание воспитанию и общему развитию сына, поэтому старался дать ему возможность как можно больше путешествовать. Вместе с семьей Элко ездил по северу Германии и Дании, неоднократно самостоятельно ездил в Швейцарию, где изучал французский язык⁶. По окончании гимназии Элко в компании Рудольфа Клеверинга⁷ и еще одного школьного приятеля в конце 1913 г. отправился в куда более далекое путешествие — Санкт-Петербург. Ван Клеффенс нигде не указывает точно, почему они с друзьями выбрали именно Россию. В мемуарах он писал, что эта идея, возможно, зародилась у него в период болезни, когда он куда внимательнее, чем обычно, читал газеты, в которых в то время много сообщали о корабле «*Vacchus*», перевозившем алжирское вино и другие товары из алжирских портов в Санкт-Петербург. Однако в воспоминаниях он также указывал, что во время русско-японской войны 1904—1905 гг., за ходом которой следили и в Нидерландах, он занимал пророссийскую позицию, а его друг Рудольф Клеверинга — прояпонскую⁸. Хотя вряд ли стоит придавать этому большое значение, ведь на тот момент Элко было всего 10—11 лет.

Так или иначе, Элко и его товарищи загорелись желанием поехать в Россию, хотя им потребовалось приложить некоторые усилия, чтобы получить от родителей разрешение на далекую поездку, но в итоге все удалось. Первое знакомство Элко с Россией началось еще в российском посольстве в Гааге, где он оформлял необходимую для поездки визу и где вступил в спор с сотрудником посольства, который не пожелал вернуть сразу молодому человеку полагавшуюся ему сдачу, но после настойчивых просьб юноши всё же сделал это⁹. Недоразумение было улажено, документы оформлены и Элко ван Клеффенс в качестве помощника плотника на судне «*Vacchus*» отбыл в российскую столицу. Санкт-Петербург произвел на двадцатилетнего молодого человека двойное впечатление. С одной стороны, он был восхищен великолепной архитектурой города, с другой — крайне удивлен неопрятными рабочими, босыми ходившими в порту, и невероятным контрастом, который существовал между большим числом крайне бедных людей и очень маленьким — чрезвычайно богатых¹⁰.

По возвращении на родину Элко (вместе с другом Рудольфом Клеверингой) поступил на юридический факультет Университета Лейдена. Бурная студенческая жизнь никак не сказалась на его учебе, в 1917 г. он блестяще окончил университет и получил степень доктора. Темой его диссертации стали международно-правовые отношения между Нидерландами и Японией¹¹. К этому времени Элко уже решил, что хотел бы связать свою карьеру с работой за рубежом. Хотя к дипломатической службе на тот момент он еще не был полностью готов, но еще во время учебы ему удалось сдать все необходимые экзамены для того, чтобы в 1919 г. пройти стажировку в посольстве Нидерландов в Лондоне. После Лондона он переехал в Женеву, где приступил к работе в только что созданной Лиге Наций. До конца 1920 г. Ван Клеффенс был персональ-

⁴ *Kleffens E.N. van. Belevenissen I. 1894—1940. Alphen aan den Rijn, 1980, p. 67.*

⁵ *De Nederlandse ministers van Buitenlandse Zaken in de twintigste eeuw. Den Haag, 1999, p. 140.*

⁶ *Kleffens E.N. van. Belevenissen I, p. 86.*

⁷ Рудольф Клеверинга (1894—1980) — нидерландский юрист, профессор права в Университете Лейдена; во время Второй мировой войны — активный участник Движения Сопротивления. Клеверинга и Ван Клеффенс дружили с детских лет (см. *De Nederlandse ministers..., p. 140*).

⁸ *Kleffens E.N. van. Belevenissen I, p. 60.*

⁹ *Ibid., p. 86—87.*

¹⁰ *Wybrich de Haan. Keerpunt in betrekkingen met Sovjet-Rusland. De rol van E.N. van Kleffens, p. 2. <http://www.geschiedenis.nl/downloads/Kleffens1942.pdf>*

¹¹ *De internationaalrechtelijke betrekkingen tussen Nederland en Japan (1605-heden). Leiden, 1919.*

ным ассистентом руководителя Юридического отдела Йюста Адриаана ван Хамела¹². Вскоре (благодаря содействию друга своего отца) он получил предложение перейти на работу в секретариат управления компании «Шелл» в Лондоне. Там ему довелось познакомиться и с руководителями компании Генри Детердингом¹³, и будущим премьер-министром Нидерландов Хендриком Колейном¹⁴. Впрочем, и здесь, несмотря ни на что, Элко проработал не так долго.

Важным в жизни Ван Клеффенса стало лето 1922 г., когда ему предложили работу в юридическом департаменте Министерства иностранных дел. Молодой человек некоторое время сомневался, но в итоге покинул «Шелл», сделав окончательный выбор между деньгами и карьерой во внешнеполитическом ведомстве.

В юридическом департаменте Ван Клеффенс был на хорошем счету, несмотря на то, что работа этого подразделения министерства в значительной мере была «бумажной». Куда более интересными делами занимался дипломатический департамент ведомства, руководителем которого был Ф.Б. ван Блокланд¹⁵, а также непосредственно кабинет министра. Поэтому энергичный Ван Клеффенс стал, помимо своих прямых обязанностей, заниматься и вопросами, находившимися в ведении этих подразделений. В частности, он охотно помогал министру Херману Адриану ван Карнебеку в его работе на посту председателя Совета правления Гагской Академии Международного права. Кроме этого Ван Клеффенс принял участие в нескольких международных конференциях, а также в качестве секретаря участвовал в 1924 г. в Берлине в переговорах с советской делегацией по вопросу установления дипломатических отношений между Нидерландами и СССР. Эти переговоры не увенчались успехом, так как на тот момент между сторонами существовало слишком много противоречий относительно целого ряда вопросов (признание царских долгов советским правительством, торговые отношения и пр.), и ни одна из них не готова была идти на компромисс. Как позднее писал в воспоминаниях Ван Клеффенс, уже в процессе их подготовки никто из членов нидерландской делегации, прибывшей в Германию на переговоры, включая и его самого, не верил в успех. Цель отправки делегации из Гааги на переговоры он объяснял нежеланием министра иностранных дел Ван Карнебека обсуждать вопрос советско-нидерландских отношений в Генеральных штатах (парламенте Нидерландов), однако при случае министр всегда был готов сообщить депутатам, что «по данному вопросу ведутся переговоры, поэтому в настоящий момент никакой конкретной информацией я не располагаю». Позднее в мемуарах Ван Клеффенс писал, что аргументы советского полпреда в Германии Н. Н. Крестинского относительно непризнания Советским Союзом царских долгов перед Нидерландами, были абсолютно несостоятельны и любой юрист мог бы легко их оспорить¹⁶.

Следующим этапом в карьере Э. ван Клеффенса стал переход в 1927 г. в дипломатический департамент МИД на должность помощника руководителя, а уже через два года он был назначен руководителем этого департамента. Очевидно, что возраст

¹² Йост Адриан ван Хамел (1880–1964) – нидерландский политик, юрист, специалист в области уголовного права. Ван Хамел входил в круг друзей королевы Юлианы. Преподавал в Университете Амстердама, некоторое время был членом парламента. С 1919 по 1925 г. руководил юридическим отделом Лиги Наций

¹³ Генри Вильгельм Август Детердинг (1866–1939) – нидерландский предприниматель, крупнейший нефтепромышленник, руководивший корпорациями «Ройял Датч» и «Ройял Датч Шелл» с 1900 г. по 1936 г. Активный антикоммунист, финансировал ультраправые политические силы, в том числе деятельность Национал-социалистической немецкой рабочей партии.

¹⁴ Хендрик Колейн (1869–1944) – нидерландский государственный и политический деятель, военный, бизнесмен, пять раз занимал пост премьер-министра Нидерландов (в 1925–1926 гг. и в 1933–1939 гг.), лидер ведущей в то время политической партии Нидерландов – Антиреволюционной.

¹⁵ Франс Беелартс ван Блокланд (1872–1956) – нидерландский дипломат и политик, возглавлял министерство иностранных дел в 1927–1933 гг.

¹⁶ *Kleffens E.N. van. Belevenissen II. 1940–1958. Alphen aan den Rijn, 1980, p. 188, 193.*

Ван Клеффенс (на тот момент ему едва исполнилось 35 лет) не стал помехой для этого назначения. В дипломатическом департаменте Ван Клеффенс проработал почти 10 лет. Руководителем он был жестким и требовательным, обладая превосходной памятью, умел быстро вникать в проблему, этого же он ожидал и от своих коллег. Ван Клеффенсу удалось сформировать в департаменте хороший коллектив и подготовить в нем действительно высокопрофессиональных сотрудников, на поддержку которых впоследствии он смог всегда рассчитывать.

Важнейшим направлением работы дипломатического департамента и его руководителя Ван Клеффенса были нидерландско-бельгийские отношения. Он участвовал в переговорах с Бельгией, которые в 1928 г. вышли на первый план в деятельности департамента после отклонения «Неприемлемого соглашения»¹⁷. В середине 1930-х годов, после очевидного провала попытки создания Лигой Наций системы коллективной безопасности¹⁸, департамент занимался всеми вопросами, связанными с сохранением Нидерландами, опираясь на поддержку великих держав, нейтрального внешнеполитического курса.

В 1937 г. Ван Клеффенс рассматривался в качестве одного из кандидатов на пост посла Нидерландов в Бельгии, однако направление его дипломатической карьеры стало иным. В ноябре 1938 г. Ван Клеффенс был назначен послом Нидерландов в Швейцарии, а также представителем своей страны в Лиге Наций.

Назначение на должность министра иностранных дел стало для Ван Клеффенса полной неожиданностью. В своей книге «Надругательство над Нидерландами» он писал, что звонок только что приступившего к своим обязанностям премьер-министра Дирка Яна де Гера (лидера партии Христианско-исторический союз) раздался в его квартире в Гааге в одну из августовских суббот в 1939 г.¹⁹ как раз в тот момент, когда они с женой²⁰ по окончании отпуска готовились к отъезду в Швейцарию²¹. По поручению королевы Вильгельмины Де Гер²² формировал новый кабинет после провальной попытки прежнего премьер-министра Хендрика Колейна с его пятым кабинетом (25 июля — 10 августа 1939 г.). Несмотря на честь, оказанную таким предложением, Ван Клеффенс очень неохотно принял это назначение: работая в МИД уже без малого 20 лет, он прекрасно понимал, насколько тяжело руководить этим ведомством. И все же спустя несколько дней он дал свое согласие. Так, 10 августа 1939 г., всего за несколько недель до начала Второй мировой войны, Элко ван Клеффенс во втором

¹⁷ De Nederlandse ministers..., p. 141; «Неприемлемое соглашение» — соглашение, подписанное между Нидерландами и Бельгией 3 апреля 1925 г. В Нидерландах за ним закрепилось такое название, так как по его условиям Бельгии давался ряд преимуществ в речной торговле в ущерб нидерландским интересам. Подписание вызвало массу дискуссий в нидерландском обществе и парламенте и в итоге в 1927 г. было отклонено, а Ван Карнебек, подписавший его, ушел в отставку (подробнее см.: *Schuursma R.L., Dr. Het onaannemelijk tractaat het verdrag met België van 3 april 1925 in de Nederlandse publieke opinie. Groningen, 1975).*

¹⁸ Невозможность реализации Восточного пакта в 1934—1936 гг. из-за отказа Германии и Польши присоединиться к нему.

¹⁹ Очевидно, речь идет о субботе 5 августа.

²⁰ В апреле 1935 г. Ван Клеффенс женился на Маргарете Хелене Хорстман, этот брак остался бездетным.

²¹ *Kleffens E.N. van. The Rape of the Netherlands, p. 31.*

²² Дирк Ян де Гер (1870—1960) — нидерландский политик, юрист, лидер партии Христианско-исторический союз. Неоднократно возглавлял министерство финансов, а также дважды, в 1926—1929 гг. и 1939—1940 гг., занимал пост премьер-министра Нидерландов. В августе 1940 г. был вынужден уйти в отставку, по настоянию королевы Вильгельмины, потерявшей к нему доверие из-за его пораженческих настроений и призывов к заключению мира с Германией. Из Лондона был направлен на службу в Нидерландскую Ост-Индию, однако туда он так и не доехал, а бежал в Нидерланды, предварительно связавшись с немецкими властями и получив их на это разрешение. Позднее был обвинен в дезертирстве и после войны подвергся судебному преследованию.

кабинете Де Гера (1939–1940) занял пост главы внешнеполитического ведомства Нидерландов. Ему было всего 45 лет — весьма «юный» возраст для назначения на столь ответственную должность, большинство его предшественников к ней подходили по достижении 50–60 лет.

Одним из первых шагов Ван Клеффенса-министра стало его участие в конференции министров иностранных дел Нидерландов, Дании, Финляндии, Люксембурга, Норвегии и Швеции, проходившей в Брюсселе 23 августа 1939 г. Перед всеми странами-участницами стояла одна цель — сделать все возможное, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Однако единственным результатом работы конференции стал лишь написанный текст обращения короля Бельгии, содержавший призыв к другим странам сохранить мир и безопасность, с которым Леопольд III выступил в королевском дворце в Брюсселе.

Но было уже слишком поздно. Через неделю после конференции (и меньше чем через месяц после назначения Ван Клеффенса министром) началась Вторая мировая война.

Нидерланды практически сразу (3 сентября 1939 г.) объявили о своем нейтралитете, и вплоть до мая 1940 г. не было более последовательного защитника традиционного «академического нейтралитета», нежели Ван Клеффенс²³. Он был убежден, что для Нидерландов, страны, которая занимает такое географическое положение и так давно сохраняет нейтральный статус, нейтралитет — единственно возможный внешнеполитический курс. Министр считал, что Нидерланды не могут выступать союзником какой-либо великой державы или группы держав, без того, чтобы не навлечь на себя гнев другой великой державы. «Для страны, находящейся в положении Нидерландов, любой другой внешнеполитический курс, нежели нейтралитет — это самоубийство», — писал он в своей книге, особо подчеркивая, что за малейшим нарушением нейтралитета всегда последуют бурные дипломатические протесты, вне зависимости от того, какая страна его нарушила²⁴.

В то же время он всячески поддерживал посреднические попытки мирного разрешения конфликта (предпринимавшиеся королевой Вильгельминой и бельгийским королем Леопольдом III) и делал все необходимое для дальнейшего укрепления обороноспособности Нидерландов. Ван Клеффенс полагал, что Нидерланды смогут остаться в стороне от войны не благодаря принятию на себя союзнических обязательств, а занимая исключительно нейтральную позицию и полагаясь только на собственные военные силы. На протяжении первых восьми месяцев войны он твердо следовал этой линии, в чем активно поддерживал парламент. Даже накануне вторжения германской армии в Нидерланды, когда уже нидерландское правительство из надежных источников стало получать всё больше тревожных и вполне однозначных сообщений о скором нападении на страну, нидерландская сторона не стала уведомлять об этом своих будущих союзников — Великобританию и Францию, — поскольку хотела быть полностью уверена в том, что стране не смогут быть предъявлены (и вполне обоснованные в этом случае) обвинения в том, что Нидерланды тайно отказались от политики нейтралитета²⁵.

Ранним утром 10 мая 1940 г., когда у нидерландского правительства уже не осталось ни малейших сомнений в истинных намерениях Германии, Ван Клеффенс и премьер-министр Де Гер в ходе телефонного разговора приняли все же решение связаться с Лондоном и Парижем, и просить военной помощи, что могло означать лишь одно — присоединение Нидерландов к союзникам. Таким образом, Нидерланды, втянутые во Вторую мировую войну, не могли более сохранять статус нейтральной страны, в полной мере оправдавший себя во время Первой мировой войны.

²³ De Nederlandse ministers..., p. 142–143.

²⁴ Kleffens E. N. van. The Rape of the Netherlands..., p. 55; De Nederlandse ministers..., p. 142.

²⁵ Kleffens E. N. van. The Rape of the Netherlands..., p. 109–110.

В этот же день состоялась, по всей видимости, неприятная для обоих участников встреча Ван Клеффенса с германским посланником в Гааге графом Юлиусом фон Цехом-Буркерсродой. Ван Клеффенс описывает ее в книге «Надругательство над Нидерландами»: «На нас этот немецкий дипломат всегда производил впечатление достойного человека, который бы не унизил себя использованием нечестных, а уж тем более предосудительных методов... Он казался глубоко взволнованным. Но поскольку он всё-таки был немцем, то естественно нам было очень сложно понять, оправдывал ли он действия своего фюрера. Может быть — да, может быть — нет. Но я думаю, что граф фон Цех был слишком джентльмен, чтобы не думать о дружеских отношениях, которыми он был связан с множеством людей, с которыми встречался во время пребывания в Голландии и которых в свою очередь с гостеприимством встречали в немецкой дипломатической миссии, причем многие из них стали его личными друзьями. В любом случае, немецкого посланника, очевидно, глубоко потрясла мысль, что это было окончанием его миссии в стране, правитель которой чуть более года назад наградил его Большим крестом Ордена Оранских-Нассау»²⁶.

После этой встречи Ван Клеффенс принял участие в заседании Совета министров, в ходе которого было принято важное решение: голос законного правительства Нидерландов должен быть услышан, поэтому министр иностранных дел и министр по делам колоний Чарльз Велтер²⁷ предпримут попытку покинуть страну и попасть к союзникам в Лондон и Париж, чтобы обратиться с просьбой оказать Нидерландам военную помощь²⁸.

Времени на планирование поездки почти не оставалось — путь через западную часть Бельгии во Францию был уже невозможен, все близлежащие аэродромы недоступны. Единственным вариантом оставался перелет на гидросамолете — к счастью, море оказалось для этого достаточно спокойным. Ван Клеффенсу разрешили выехать с супругой, они быстро собрали самые необходимые вещи и документы и отправились в Схевенинген, где их ждали два гидросамолета. Обе машины сразу же обстреляли немцы, причем один самолет оказался поврежден настолько сильно, что для перелета в Великобританию уже не годился. Второй также пострадал, но мог взлететь. Ван Клеффенсы полетели на нем.

Полет оказался настолько не подготовлен, что на борту не оказалось даже необходимых карт, поэтому полетели просто в направлении Па-де-Кале. Достаточно скоро стало ясно, что самолет очень быстро теряет горючее, приняли решение совершить посадку. Было видно, что рядом находится какой-то город, но ни пилот, ни Ван Клеффенс не знали, что это за город, однако выбирать не приходилось. Чтобы продемонстрировать мирные намерения экипажа, радист, когда самолет снизился, выбрался на крыло самолета и размахивал белым шейным платком министра как флагом. Посадка прошла успешно, Ван Клеффенс прибыл в Великобританию. Город, где приземлился самолет, оказался Брайтоном. Министра тепло встретил мэр города, и уже через несколько часов он отправился на поезде в Лондон.

После эмиграции части нидерландского правительства в Великобританию 13 мая и капитуляции Нидерландов 15 мая 1940 г. главной задачей Ван Клеффенса была организация работы его ведомства в эмиграции. Наладить работу министерства помог аппарат нидерландского посольства в Лондоне, возглавлявшегося Михилсом ван Вердуйненом²⁹, прежним начальником Ван Клеффенса (в 1927–1929 гг. Ван Вердуйнен возглавлял дипломатический департамент МИД Нидерландов). В условиях эми-

²⁶ *Kleffens E.N. van. The Rape of the Netherlands...*, p. 121–123.

²⁷ Чарльз Йозеф Игнас Мари Велтер (1880–1972) — нидерландский государственный деятель, член парламента, министр по делам колоний в 1937–1941 гг.

²⁸ *Kleffens E.N. van. The Rape of the Netherlands...*, p. 143–144; *De Nederlandse ministers...*, p. 143.

²⁹ Эдгар Михилс ван Вердуйнен (1885–1952) — нидерландский политик, дипломат и бизнесмен, беспартийный. Во время Второй мировой войны — посол Нидерландов в Лондоне при нидерландском правительстве в изгнании.

грации внешнеполитическое ведомство было очень небольшим, благодаря чему Ван Клеффенс как руководитель данного органа оказывал на его работу гораздо больше влияния, чем его предшественники на этом посту.

Вместе с премьер-министром П. С. Гербранди³⁰, сменившим Д. Я. де Гера осенью 1940 г., и министром образования, науки и искусства Герритом Болкестейном³¹ Ван Клеффенс являлся бессменным членом кабинета министров военного периода. Хотя Ван Блокланд настойчиво предлагал кандидатуру Ван Клеффенса в качестве преемника Де Гера, королева Вильгельмина предпочла Гербранди, поскольку считала, что Ван Клеффенсу недостает твердости. Однако когда королева решила всё же прошупать почву, есть ли у него желание стать преемником Гербранди, выяснилось, что интереса он к подобному предложению не проявил. По причине частых зарубежных поездок министра в конце декабря 1941 г. министром иностранных дел без портфеля был назначен Михилс ван Вердуйнен, исполнявший во время отсутствия Ван Клеффенса все его обязанности. В целом Ван Клеффенс по вопросам внешней политики практически не сталкивался с каким-либо сопротивлением со стороны членов кабинета, советовал же он с ними исключительно тогда, когда сам считал это нужным.

Несмотря на то, что вторжение фашистской Германии в Нидерланды положило конец нидерландской политике нейтралитета и страна перешла на сторону союзников, нидерландское правительство, хотя и находилось в Лондоне, желало принимать самостоятельные решения, а не следовать в русле внешней политики Великобритании. Более того, некоторые члены нидерландского правительства в эмиграции даже рассматривали возможность сближения с Германией. Ван Клеффенс еще летом 1940 г. также выступал за возможное сближение между Великобританией и Германией. Нидерландские дипломатические представители, многие из которых были настроены либо пораженчески, либо открыто профашистски, были проинструктированы министром о том, что руководству стран их пребывания следует четко дать понять, что Нидерланды следуют своим внешнеполитическим курсом и не подчиняются Великобритании. Нидерландское правительство продолжало поддерживать отношения с коллаборационистским правительством Виши, тогда как Великобритания находилась с ним в состоянии войны. Поддерживало оно до сентября 1940 г. и отношения с Италией. Но после того как на посту премьер-министра более энергичный Гербранди сменил Де Гера (сентябрь 1940), ситуация начала меняться. Уже в октябре, когда стало понятно, что Англия выстояла в Битве за Британию, в сообщениях нидерландскому дипломатическому корпусу Ван Клеффенс написал, что в сложившихся обстоятельствах победа британцев является крайне важной для возвращения независимости Нидерландам³².

Что касается отношений Нидерландов с СССР, то Э. ван Клеффенс последовательно придерживался ставшей уже традиционной для страны политики непризнания большевистской власти. 22 июня 1941 г., после вторжения фашистской Германии в СССР, Уинстон Черчилль выступил по радио BBC с речью, в которой он говорил о готовности оказать посильную помощь и поддержку России в борьбе с нацизмом. Он призвал всех союзников сделать то же самое³³. По мнению

³⁰ Питер Сьерд Гербранди (1885–1961) — нидерландский государственный деятель, член Антиреволюционной партии, премьер-министр нидерландского правительства в эмиграции (1940–1945).

³¹ Геррит Болкестейн (1871–1956) — нидерландский государственный и политический деятель, член Свободомыслящей демократической лиги, руководил министерством образования науки и искусства в 1939–1945 гг.

³² *Hellema D.* Nederland in de wereld. De buitenlandse politiek van Nederland. Uitgeverij Unieboek Het Spectrum bv. Houten-Antwerpen, 2014, p. 97–98.

³³ *Jong L. de.* Het Koninkrijk der Nederlanden in de Tweede Wereldoorlog. Deel 9. Londen. Eerste helft. Den Haag, 1979, p. 198.

Лу де Йонга³⁴, работавшего во время войны журналистом в Лондоне на Radio Oranje³⁵, «это была отличная воодушевляющая речь с абсолютно правильными акцентами, однако Ван Клеффенс, днем раньше вернувшийся из Америки, особого энтузиазма по этому поводу не испытывал»³⁶.

У нидерландского министра настрой речи Черчилля вызывал определенные сомнения, поскольку он считал, что Нидерланды находятся в ином положении, нежели Великобритания. На протяжении почти четверти века Нидерланды не признавали СССР. Это была политика правительства, которую поддерживали королева и клерикальные партии, испытывавшие неприятие большевистской России. Кроме того, Нидерланды находились не в том положении, которое позволяло бы им предложить Советскому Союзу какую-либо значительную материальную помощь. Позднее Ван Клеффенс писал, что Нидерландам именно поэтому «следовало проявить определенную скромность, а пустая риторика ничего не дала бы нашему престижу»³⁷.

Так, 23 июня в вечернем эфире Radio Oranje прозвучало короткое официальное сообщение, которое у слушателей оставило впечатление как будто нидерландское правительство в Лондоне пребывает в некотором замешательстве. Авторами данного коммюнике являлись Ван Клеффенс и премьер-министр Гербранди. Звучало оно следующим образом: «К тому, что было уже отмечено вчера (22 июня. — Е.А.), нам кажется не лишним добавить еще несколько слов по поводу того, какую позицию мы сейчас занимаем относительно Советской России. Само собой разумеется, что Нидерланды не изменили своего отношения к большевистским догмам и методам; к ним у нас осталось прежнее отношение. Учитывая цели и принципы работы Коминтерна, ясно, что о доверительном сотрудничестве с Советским правительством не может быть и речи. Но при всем при этом мы, как и весь народ Нидерландов, рады, что русские оказались по одну сторону баррикад с нами в этой борьбе с Германией, которая стала нашим общим врагом. И это то единственное, что объединяет нас с Россией». Призыв Черчилля о помощи Советскому Союзу оказался проигнорирован, а слово «союзник» вообще не упоминалось. Это обращение, как позднее отмечал сам Ван Клеффенс, «было составлено в более сдержанном тоне». На следующий день все зарубежные дипмиссии Нидерландов уведомили о том, что «о доверительном сотрудничестве с Советским правительством речи не идет»³⁸.

В чем заключалась причина такой сдержанной реакции? Ван Клеффенс определенно был способным министром и умелым политиком, одним из немногих, кто не поддался панике в первые дни войны и, судя по тому, что рассматривалась именно его кандидатура на пост премьер-министра, это многие оценили. И в то же время именно дипломат Ван Клеффенс был тем, кто на практике реализовал направленную на непризнание СССР линию внешней политики (например, как участник Берлинских переговоров с СССР в 1924 г.). Политика непризнания СССР, поддержанная парламентским большинством, конфессиональными кругами и самой королевой, была константой внешнеполитического курса Нидерландов межвоенного периода, даже несмотря на то, что такой курс не соответствовал экономическим интересам Нидерландов. Не следует забывать о премьер-министре Гербранди, яром антикоммунисте,

³⁴ Автор многотомного труда «Королевство Нидерланды во Второй мировой войне». — *Jong L. de. Het Koninkrijk der Nederlanden in de Tweede Wereldoorlog. 14 delen. Den Haag, 1969–1994.*

³⁵ Radio Oranje — официальная радиостанция нидерландского правительства в эмиграции. Была основана в Лондоне вскоре после нападения фашистской Германии на Нидерланды. Первая трансляция, во время которой с речью выступила королева Вильгельмина, состоялась 28 июля 1940 г. (см. подробнее: *Sinke O. Onderling strijdend voor de goede zaak; Radio Oranje en De Brandaris. — Tijdschrift voor Mediageschiedenis, 2005, 8 (1), p. 97–109.*)

³⁶ *Jong L. de. Op. cit. Deel 9, Eerste helft, p. 199.*

³⁷ *Knapen B. De lange weg naar Moskou. Nederlandse relaties tot de Sovjet-Unie, 1917–1942. Amsterdam — Brussel, 1985, p. 225–226.*

³⁸ *Knapen B. Op. cit., p. 226.*

члене Анtireволюционной партии, который был одним из тех, кто в ноябре 1918 г. приехал из Фрисландии в Гаагу, чтобы защитить страну от революции. Реакцию Ван Клеффенса и Гербранди посол Нидерландов в Лондоне М. ван Вердуйнен прокомментировал следующим образом: «Премьер-министр и министр Ван Клеффенс были оба фрисландцами и были настроены определенно антисоветски»³⁹.

Вечером 23 июня королева Вильгельмина в телефонном разговоре с Ван Клеффенсом сказала, что, по ее мнению, правительство должно выступить с громким заявлением и что она лично хотела бы сделать это по радио⁴⁰. Королева, остро переживавшая беды и страдания народа Нидерландов, оказавшегося в оккупации, гораздо сильнее восприняла известие о нападении на СССР, нежели дипломат Ван Клеффенс. На следующий день королева подготовила текст своего выступления на Radio Oorlog, который был одобрен премьер-министром — впрочем немногим ранее одобдившим и совершенно иное по своему характеру коммюнике Ван Клеффенса. В вечернем радиобращении к соотечественникам, которое гораздо больше совпадало по тональности с речью Черчилля, королева сказала: «Сегодня Россия, но мы знаем, что завтра или послезавтра может наступить черед стран близких нам по духу: Великобритании и Соединенных Штатов, которые подвергнет испытанию на прочность гитлеровская военная машина. И поэтому, если будет необходимо, мы должны бороться вместе с народом Советской России»⁴¹.

Речь королевы Вильгельмины кардинально отличалась от коммюнике Ван Клеффенса. Два министра высказали свои возражения по поводу эмоционального заявления королевы. Одним из них был министр экономики Макс Стеенберге⁴², вторым, конечно же, Ван Клеффенс, который считал, что речь королевы была слишком соглашательской, и что она «делает из необходимости добродетель». Ранее Ван Клеффенс внес в текст выступления несколько поправок, которые хотя и были приняты королевой, однако он чувствовал себя исключенным из процесса подготовки обращения, так как, по сути, в сложившейся ситуации Вильгельмина действительно пренебрегла его мнением и отступила от своих принципов. Премьер-министр, одобдивший текст выступления королевы и фактически ставший на ее сторону, мнение Ван Клеффенса также проигнорировал.

25 июня 1941 г., на следующий день после выступления королевы Вильгельмины, положительно оцененного англичанами (в отличие от «вялой» речи Ван Клеффенса), с нидерландским министром иностранных дел связался его британский коллега Э. Иден. Он предложил Нидерландам отправить в СССР торговую миссию, возможно, предпринять какие-то иные меры экономического характера, но в любом случае оказать России какую-либо моральную поддержку⁴³. Англичане придавали большое значение новому союзнику и считали, что организация торговой миссии в СССР по инициативе Нидерландов могла бы стать шагом навстречу. В ответ на эти предложения Ван Клеффенс подробно изложил историю отношений Нидерландов с Советской Россией, вернее — объяснив их отсутствие, завершив словами, что «голландское правительство в Лондоне несомненно готово оказать помощь там, где это необходимо, однако оно не будет предпринимать каких-либо действий, которые бы противоречили курсу, которым Нидерланды следовали до сих пор». Ван Клеффенс не видел необходимости в организации торговой миссии, так как считал, что реальной потребности

³⁹ Knapen B. Op. cit., p. 226, 227.

⁴⁰ Jong L. de. Op. cit., p. 199.

⁴¹ Knapen B. Op. cit., p. 227.

⁴² Макс Стеенберге (1899–1972) — нидерландский политик, член Римско-католической государственной партии, предприниматель, в 1930-х годах неоднократно возглавлял министерство экономики.

⁴³ Jongbloed H. H. Nederlands–Sovjetrussische diplomatieke betrekkingen. De moeizame geschiedenis van het akkoord van 10 juli 1942. — Low Countries Historical Review, v. 95, No 3, 1980, p. 496; Knapen B. Op. cit., p. 228.

в ней не существовало, а если же у советского посла в Лондоне И. М. Майского есть какие-либо вопросы относительно экономической помощи, он всегда может обратиться с ними к представителям Нидерландов⁴⁴.

Через два дня британский парламентский заместитель министра иностранных дел Р. О. Батлер в разговоре с М. ван Вердуйненом пошел несколько дальше. Так как союзники бы заинтересованы в установлении отношений между СССР и Нидерландами, Батлер предложил дипломатический «déjeuner à trois»: министр Э. Иден мог бы принять у себя И. М. Майского и Э. ван Клеффенса. Однако нидерландский министр по-прежнему был настроен против, поэтому М. ван Вердуйнен вынужден был отклонить это предложение. Британцы проявили настойчивость, и через несколько дней Батлер повторил свое предложение уже на официальном уровне. По словам М. ван Вердуйнена, он спросил, не заинтересовано ли нидерландское правительство в сближении с СССР, которое могло бы проявиться в форме улучшения отношений между двумя странами или установления между ними дипломатических отношений. В то же время англичане сообщили советскому послу, что Нидерланды готовы оказать помощь СССР и что британская сторона обсуждает с Э. ван Клеффенсом возможность организации их встречи.

Теперь было необходимо дать официальный ответ. М. ван Вердуйнен советовал министру, учитывая довоенный курс отношений, сохранять определенную дистанцию: хотя СССР был бы «удобным инструментом... который мог бы помочь истребить фашистов», но «сближение совсем не обязательно должно проявляться в форме признания и восстановления дипломатических отношений». Советский Союз должен был еще доказать, что он в состоянии оказать значительную военную поддержку союзникам. Если это случится, то тогда Нидерланды должны подумать о политических последствиях. Ван Клеффенс также придерживался своей прежней точки зрения, не противоречившей политике непризнания СССР. 5 июля 1941 г. последовал официальный ответ министра, в котором говорилось о том, что нидерландское правительство не намерено устанавливать какие-либо регулярные отношения с СССР⁴⁵. Следует, однако, отметить, что в протоколах заседаний кабинета министров такое решение не было зафиксировано⁴⁶.

Что в равной степени раздражало и М. ван Вердуйнена, и Э. ван Клеффенса, так это то, что британский министр иностранных дел хотел добиться своей цели, не беря в расчет точку зрения Нидерландов. Нидерландцы чувствовали, что они в значительной степени находятся под давлением со стороны англичан и являются инструментом их политики. Поэтому неудивительно, что Ван Клеффенс считал английский «план и реализацию попытки посредничества довольно необдуманными». В одном из разговоров с Батлером Ван Вердуйнен сказал, что он «склонен сожалеть о том, что дело зашло настолько далеко, что был уведомлен советский посол И. Майский»⁴⁷.

После этого вопрос об отношениях Нидерландов с СССР некоторое время не поднимался. Его обсуждение возобновилось осенью 1941 г., после того, как Йохан Виллем Албарда (руководитель Управления водными путями сообщения, мостами и плотинами, член Социал-демократической рабочей партии) написал 17 сентября премьер-министру Гербранди следующее: «Вы знаете, что я являюсь и всегда был ярким противником коммунизма и никогда... не стремился ни к какому сотрудничеству с коммунистическими партиями... Сегодня обстоятельства изменились. Советская Россия является нашим соратником и союзником наших союзников. Наше правительство остается единственным из правительств всех союзников, у которого не существует дипломатических отношений с этим государством. Стоит только взглянуть на карту, и мне хочется рассмеяться. Такая невероятно громадная страна, больше,

⁴⁴ Knapen B. Op. cit., p. 228.

⁴⁵ Ibid, p. 229.

⁴⁶ Jongbloed H. H. Op. cit., p. 499.

⁴⁷ Ibidem.

чем старая добрая Европа, и такие маленькие Нидерланды, которые говорят “нет”. Это как лягушка и кто-то еще более огромный, чем бык!.. Я веду к тому, что пришло время изменить наше поведение»⁴⁸. Причем Й. Албарда касался не только моральных аспектов и солидарности, но и акцентировал внимание на вполне конкретных интересах Нидерландов. Ведь могло бы наступить перемирие или окончание войны, и страна, не признав такого могущественного союзника, могла бы просто оказаться «вне игры». Кроме этого, он указывал на несоответствие между внешнеполитическим курсом по отношению к СССР и советско-нидерландскими торговыми отношениями («Мы поставляем в Россию каучук, олово и прочие товары, но официально мы ее не знаем»). Социал-демократ Албарда прекрасно понимал, что для представителей нидерландских правых конфессиональных партий шаг в направлении установления отношений с СССР был бы особенно сложным, поэтому он предлагал одновременно восстановить дипломатические отношения Нидерландов с Ватиканом, что имело бы смысл не только из практических соображений, но и из тактических⁴⁹.

После этого признание СССР стало частой темой для обсуждения и дебатов в кабинете министров. Однако сторонников у Й. Албарды фактически не было. Премьер-министр Гербранди разделял довоенную точку зрения представителей конфессиональных кругов, которые были против и находился под значительным влиянием королевы Вильгельмины, не желавшей видеть в своей стране представителя правительства, причастного к убийству в Екатеринбурге в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. ее кровных родственников (бабушкой Вильгельмины по линии отца, короля Вильгельма III, была Анна Павловна Романова, прадедом — император Павел I).

С течением времени круг сторонников сближения с СССР стал расширяться: кто-то предлагал открыть там торговое представительство, кто-то, как и Й. Албарда, говорил о необходимости налаживания полноценных дипломатических отношений с СССР, но, несмотря ни на что, они были в меньшинстве, и премьер-министр оставался по-прежнему непреклонен⁵⁰.

Что касается взглядов самого Элко ван Клеффенса, то он следовал прежней сдержанной позиции и не хотел соглашаться на что-то большее, нежели оказание помощи Советскому Союзу. В то же время едва ли он, будучи профессиональным дипломатом, не понимал важной роли СССР в войне против Германии. Идею поддержки Советского Союза, по его мнению, разделяли нидерландцы, находившиеся на оккупированной территории. В октябре 1941 г. из уст Ван Клеффенса прозвучало, что он лично «не возражал бы против установления с Россией дипломатических отношений»⁵¹. Это был первый раз, когда министр в определенной мере позитивно высказался по вопросу установления дипломатических отношений с СССР.

Одним из факторов, в значительной степени повлиявших на изменение позиции Нидерландов относительно СССР, был ход военных действий. Красная Армия доказала, что может успешно противостоять фашистской агрессии, а 7 декабря 1941 г. началась война на Дальнем Востоке, что представляло прямую угрозу нидерландским колониям в Юго-Восточной Азии. 8 декабря 1941 г. правительство Нидерландов официально объявило войну Японии, однако численность вооруженных сил метрополии в Нидерландской Индии значительно уступала переброшенным туда японским войскам. 15 февраля 1942 г. пал стратегически важный Сингапур, а 9 марта территорию Нидерландской Индии покинул последний нидерландский самолет, и большая ее часть была оккупирована японскими войсками⁵².

К весне 1942 г. стало очевидно все возрастающее значение СССР как союзника в борьбе с фашистской Германией, и это было признано Великобританией и другими

⁴⁸ *Jongbloed H. H.* Op. cit., p. 501.

⁴⁹ *Knapen B.* Op. cit., p. 232.

⁵⁰ *Jongbloed H. H.* Op. cit., p. 502–503.

⁵¹ *Knapen B.* Op. cit., p. 233.

⁵² *Ibid.*, p. 235.

странами. Кроме того, все понимали, что СССР определенно будет играть важную роль в послевоенном урегулировании. В дополнение ко всему этому СССР отводилась ведущая роль в войне против Японии, победа союзников над которой отвечала интересам Нидерландов. Казалось бы, настал тот момент, когда они должны были в корне пересмотреть свои отношения с СССР. Но этого не произошло, несмотря на то что еще в конце декабря 1941 г. Гербранди и Ван Вердуйнен обменялись соображениями относительно сближения Нидерландов с СССР и пришли к выводу, что в данной ситуации необходимо что-то предпринять, и лучше всего было бы всё же фактическое признание союзничества.

Следует сказать несколько слов о позиции по отношению к СССР Ван Вердуйнена, который в отсутствие Ван Клеффенса замещал его в кабинете министров. Он по-прежнему не хотел полного восстановления дипломатических отношений с СССР. В письме Ван Клеффенсу в декабре 1941 г. он написал, что существует ряд решений, которые правительство не может принять, не прислушавшись к мнению нидерландского народа, и одним из них является вопрос о признании СССР де-юре. Ван Вердуйнен был не только консервативным католиком (что отчасти объясняет его взгляды), но и преуспевающим бизнесменом, привыкшим к прагматическому подходу, поэтому проявление с его стороны такой негибкости несколько удивляет⁵³.

На заседании кабинета министров 14 января 1942 г. уже четыре министра высказались за установление дипломатических отношений с СССР. Но эти четверо по-прежнему находились в меньшинстве, и правительство следовало совету Ван Вердуйнена начать переговоры об установлении отношений лишь на уровне обмена дипломатическими и военными агентами. Премьер-министр также считал это оптимальным вариантом. Что касается Ван Клеффенса, то он находился в США, поэтому принять участие в обсуждении этого вопроса не мог.

17 февраля 1942 г. Ван Вердуйнен сообщил Ван Клеффенсу, что кабинет министров практически единодушно высказывается за установление отношений с СССР (однако под этим понимали лишь обмен агентами). По словам Ван Вердуйнена, это необходимо было сделать очень быстро, пока позиции Нидерландов в Юго-Восточной Азии не подверглись новым угрозам. В ответной телеграмме несколькими днями позднее министр согласился с Ван Вердуйненом, что ввиду ситуации на фронте в этом регионе необходимо установить отношения с СССР, но без полного признания, причем он не привел никаких новых аргументов в поддержку своей точки зрения. Данная позиция министра кажется также несколько странной, ведь еще в октябре 1941 г. он сказал, что не возражает против установления дипломатических отношений с Россией⁵⁴.

В Вашингтоне Ван Клеффенс встретился с советским послом в США М. М. Литвиновым, который еще двумя десятилетиями ранее в Гааге⁵⁵ уже обменивался соображениями на этот счет с нидерландским министром иностранных дел. М. М. Литвинов был весьма общителен и готов к диалогу. Опытный советский дипломат хорошо понимал сложности, с которыми столкнулись Нидерланды, и у Ван Клеффенса сложилось впечатление, что в Советском Союзе ни в коем случае не оскорбились из-за отношения к нему Нидерландов, однако были бы рады, если бы оно изменилось. Через несколько дней приветливый советский посол посетил Ван Клеффенса в Вашингто-

⁵³ *Knapen B. Op. cit.*, p. 235–236.

⁵⁴ *Wybrich de Haan. Op. cit.*, p. 13–14.

⁵⁵ Встреча М. М. Литвинова (заместитель наркома по иностранным делам РСФСР в 1921–1923 гг.), находившегося в Европе в качестве главы советской делегации на Гаагской конференции, с Х.А. ван Карнебеком, занимавшим в тот период пост министра иностранных дел, произошла в 1922 г. В ходе неформальной беседы они обсудили возможность урегулирования отношений между странами, однако к согласию не пришли. МИД Нидерландов заявил, что все будет зависеть от поведения советской стороны и от Нидерландов не стоит ожидать какого-либо проявления инициативы в решении этого вопроса. Подробнее см.: *Knapen B. Op. cit.*, p. 92–93.

не и сообщил ему, что Москва заинтересована либо в установлении полноценных дипломатических отношений, либо в сохранении существующего статуса, но какие-либо промежуточные формы интереса для нее не представляют⁵⁶. В своем дневнике И. М. Майский пишет, что на предложение нидерландского министра об обмене дипломатическими агентами без установления нормальных дипломатических отношений советский посол ответил дипломатическим “go to hell”, а Москва потом только подтвердила его позицию⁵⁷. Гербранди сообщил Литвинову, что он при первой же возможности обсудит вопрос с королевой, на что с советской стороны четкой реакции не последовало⁵⁸.

После этого вопрос снова на некоторое время повис в воздухе: Ван Клеффенс находился в США, а Гербранди не хотел в его отсутствие предпринимать какие-либо ответственные шаги. Дело было не только в том, что принятие подобных решений находилось в сфере компетенции министра иностранных дел, но и в отношениях между премьер-министром, королевой и министром иностранных дел. Между кабинетом и королевой в период пребывания в Лондоне существовали определенные разногласия. Королева Вильгельмина всегда считала себя в значительной степени ответственной перед народом за проводимую государством политику, а кабинет министров правительства в Лондоне на первых порах был очень слабым, кроме этого, в условиях эмиграции отсутствовал парламент и не было возможности апеллировать к общественному мнению. Таким образом, привычный баланс сил нарушался. Также следует учитывать и личные качества королевы, которая безусловно являлась сильной личностью, но при этом отличалась некоторой инфантильностью. Гербранди, наоборот, был по натуре скорее застенчивым человеком и стремился избегать конфликтов с королевой. Что касается Ван Вердуйнена, то хотя формально последний лишь замещал министра иностранных дел в его отсутствие, он обладал гораздо меньшим влиянием и авторитетом в глазах Вильгельмины. Ван Клеффенс считался великолепным специалистом в вопросах международных отношений, на протяжении всего лондонского периода он поддерживал постоянный контакт с королевой, каждое утро готовил для нее подборку с самыми важными отчетами посланников, телеграммами и прочими документами. В свою очередь, министр получал от королевы список вопросов, на которые ему необходимо было ответить. В принципе, другие министры также представляли ей подобные отчеты, но министру иностранных дел она всегда уделяла больше внимания (что ему порой совсем не нравилось). По мнению Б. Кнаппена, Вильгельмина стремилась действовать согласно статье 58 Конституции Нидерландов 1938 г., которая гласила, что монарх обладает верховенством власти в вопросах внешней политики. Для Ван Клеффенса не так-то легко было с этим соглашаться, поскольку министр считал, что королева «не знакома с реалиями жизни»⁵⁹.

3 марта 1942 г., еще в отсутствие Ван Клеффенса кабинет министров принял единодушное решение о необходимости предпринять шаги в деле установления дипломатических отношений с СССР. Премьер-министр должен был обсудить вопрос с королевой. Сделал ли он это в какой-либо степени, остается неясно, но как только Ван Клеффенс 7 марта вернулся в Лондон, он сразу же взял инициативу в свои руки, так что к 10 марта, когда состоялось очередное совещание кабинета министров, казалось, что ему удалось уговорить королеву. Но выяснилось, что она согласна на установление отношений с СССР только при условии ограничения численности советской миссии в Нидерландах. Королева опасалась (возможно, не без оснований) волны «красной» пропаганды в оккупированной стране, где и так усилилось влияние коммунистов

⁵⁶ Ibid., p. 237.

⁵⁷ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон 1934–1943. Отв. ред. А. О. Чубарьян. – Научное наследство, т. 33. М., 2009, кн. 2, ч. 2, с. 132–133.

⁵⁸ Knapen B. Op. cit., p. 237.

⁵⁹ Ibid, p. 237–238.

и социал-демократов⁶⁰. И она действительно могла бы добиться принятия именно такого решения вопроса, так как во время войны все решения кабинета утверждались королевой⁶¹.

С этого момента задача Ван Клеффенса состояла в том, чтобы убедить королеву в необходимости установления полноценных дипломатических отношений с СССР. Первая попытка была предпринята вскоре после совещания 10 марта. В переписке министр доказывал королеве важность такого решения, приводя веские аргументы, но это ни к чему не привело, и Вильгельмина осталась при своем мнении. На заседании министров 17 марта вопрос об установлении дипломатических отношений обсуждался снова. Ван Клеффенс опять высказался по этому поводу неоднозначно, заявив, что заключение дипломатических отношений является очень желательным, но необходимо проявить осторожность, так как с работой каждого советского посольства связаны некоторые особенности. Тем не менее министр отметил, что сейчас Советский Союз представляет собой настоящее национальное государство, и даже возможно, что в дальнейшем оно станет более толерантным (хотя лично он не ожидает больших изменений в Советском Союзе, так как демократии в этом государстве не существует). Но несмотря на всё это, Нидерланды должны установить дипломатические отношения с СССР. Кабинет министров единодушно высказался «за». Таким образом, не согласной с решением кабинета министров фактически оказалась только королева. Ван Клеффенс уговаривал ее изменить свою позицию, ссылаясь на то, что требование об ограничении дипломатической миссии может повлечь рост недоверия, что политические обстоятельства требуют этого, но королева настаивала на своем⁶².

Чуть позже, в апреле, и на самого министра пытались повлиять коллеги — посол Нидерландов в Вашингтоне Джон Лаудон и министр колоний Хубертус Йоханнес ван Моок. Последний был абсолютно уверен в необходимости дипломатических отношений с СССР, поскольку это будет крайне важно для послевоенного урегулирования в Восточной Азии. Они даже обратились к американскому послу при правительстве Нидерландов в изгнании, Энтони Биддлу, чтобы он убедил в этом Ван Клеффенса (при этом они попросили не называть их имен). Реакция министра на доводы Э. Биддла была сдержанной, он ответил, что не только от него зависит принятие решения о восстановлении дипломатических отношений с СССР, поскольку еще до войны подавляющее большинство членов парламента высказывалось против. После разговора с нидерландским министром у американского посла сложилось впечатление, что «он лично (Ван Клеффенс. — Е.А.) сомневался в положительном решении этого вопроса». По мнению Б. Кнапена, впечатление Биддла было ошибочным, оно свидетельствовало лишь о высоком профессионализме Ван Клеффенса-дипломата⁶³.

Как уже можно было убедиться, Ван Клеффенс воздерживался от каких-либо категорических высказываний по вопросу установления отношений Нидерландов с СССР не только в беседах с зарубежными коллегами, но и со своими коллегами-нидерландцами. Исключением являлась, пожалуй, только королева Вильгельмина, которой он после разговора с Э. Биддлом написал очередное длинное письмо. В нем сначала он подробно описал довоенную политику непризнания СССР, подчеркнув, что в правильности этого курса несколько не сомневался. И прежние аргументы против признания СССР — опасность большевистской пропаганды, антирелигиозная деятельность Кремля, долги царской России — все это по-прежнему имеет значение, однако сейчас возникли иные обстоятельства. Нидерланды после 10 мая 1940 г. находятся в совершенно ином положении. Если Советский Союз по окончании войны окажется среди победителей, то он будет иметь колоссальное влияние и всем европейским странам придется считаться с его мнением. Ван Клеффенс также написал о том,

⁶⁰ Ibid., p. 238, 239.

⁶¹ Wybrich de Haan. Op. cit., p. 14.

⁶² Knapen B. Op. cit., p. 239–240.

⁶³ Wybrich de Haan. Op. cit., p. 14; Knapen B. Op. cit., p. 241.

что общественное мнение в Нидерландах, согласно сообщениям в газетах, изменилось за последние месяцы, и нидерландский народ все больше восхищается Россией. В конфессиональных кругах также недоумевают, почему дипломатические отношения с этой страной до сих пор не установлены. В ответ министр иностранных дел получил от королевы короткое письмо, в котором она говорила, что на данный момент она не готова согласиться с данным предложением. В письме отсутствовали какие-либо пояснения ее позиции, и Ван Клеффенс, собравший максимум аргументов, чтобы решить положительно вопрос, одобренный уже всеми членами кабинета, почувствовал, что с ним поступили несколько неучтиво⁶⁴.

Помощь Ван Клеффенсу в его нелегком деле неожиданно оказала статья в «Таймс» от 21 мая 1942 г. В ней говорилось, что в Германии планируют перевезти значительное число голландцев на оккупированную территорию Советского Союза для работы в сельском хозяйстве на плодородных почвах. Около 100 тыс. голландцев уже были на территории оккупированной Белоруссии, а всего планировалось отправить вдвое больше. Хейнрих ван Вреденбурх, руководитель дипломатического отдела МИД Нидерландов при правительстве в изгнании добавил к статье свой комментарий о необходимости срочного установления дипломатических отношений с СССР, чтобы иметь возможность вместе с русскими принять необходимые меры для помощи соотечественникам. О содержании разговора, последовавшего за этим между Ван Клеффенсом и Вильгельминой, неизвестно, но, по мнению Б. Кнапена, именно эта новость заставила королеву изменить свое мнение. Ведь речь шла о судьбе сотен тысяч ее подданных — о том, что для нее было важнее всего во время пребывания в Лондоне. 5 июня королева Вильгельмина в письме Ван Клеффенсу подтвердила свое согласие на установление полноценных дипломатических отношений с СССР⁶⁵.

19 июня Ван Вердуйнен встретился с И. М. Майским и предложил от имени нидерландского правительства установить дипломатические отношения СССР с Нидерландами, о чем И. М. Майский сразу же сообщил в Москву. Также в своем дневнике советский посол отметил, что Ван Вердуйнен без видимых причин начал оправдываться перед ним за предложение (еще в феврале сделанное Ван Клеффенсом Литвинову) об установлении неполных отношений, и эти оправдания были, по мнению советского посла, «скучными и неинтересными»⁶⁶. 10 июля 1942 г. соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и Нидерландами было подписано И. М. Майским и М. ван Вердуйненом и в тот же день вступило в силу⁶⁷. Советский посол в своем дневнике писал, что «Вердуйнен был страшно доволен, привел свиту из шести человек и много говорил об историческом значении» подписания данного соглашения и вообще «делал много шума». Кроме этого, советский посол высказал предположение, что «он воспользовался отъездом в США Ван-Клеффенса, сопровождавшего отправившуюся туда [королеву] Вильгельмину, для того чтобы записать в свою собственную историю установление дипломатических отношений между Голландией и СССР»⁶⁸.

Так завершился период непризнания СССР Нидерландами, продолжавшийся почти четверть века. Роль министра Э. ван Клеффенса в процессе решения этого вопроса однозначно оценить достаточно сложно. С одной стороны, он был последовательным сторонником политики непризнания советской власти и до последнего отстаивал этот курс. С другой стороны, когда обстоятельства настоятельно потребовали изменений в отношениях с Советским Союзом, министр предпринял все необходимые для этого

⁶⁴ Knapen B. Op. cit., p. 241–242; Wybrich de Haan. Op. cit., p. 15.

⁶⁵ Knapen B. Op. cit., p. 243.

⁶⁶ Майский И. М. Дневник дипломата..., с. 133.

⁶⁷ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, вып. XI. М., 1955, с. 37.

⁶⁸ Там же, с. 137.

шаги. Также во многом благодаря именно его усилиям королева Вильгельмина дала в итоге свое согласие на подписание соглашения 10 июля 1942 г.

После окончания войны Элко ван Клеффенс вернулся в Нидерланды, продолжив руководство внешнеполитическим ведомством. Однако по состоянию здоровья он уже через девять месяцев вынужден был сложить с себя полномочия министра и по рекомендации врачей занялся более спокойной деятельностью. 1 марта 1946 г. Ван Клеффенс стал представителем Нидерландов в Совете безопасности ООН, сохранив пост министра иностранных дел без портфеля. Ван Клеффенс поддерживал политику правительства, направленную на восстановление власти метрополии в Нидерландской Индии, а также считал, что Германия должна возместить Нидерландам убытки, причиненные ею во время оккупации. Что касается его отношения к СССР в этот период, то оно вновь стало очень критическим (например, он обвинял СССР в намеренной дестабилизации ситуации в Иране и других странах с целью спровоцировать революцию)⁶⁹.

В июле 1947 г. Ван Клеффенс был назначен послом Нидерландов в США, и таким образом в течение почти одного года занимал сразу два поста. Это было достаточно тяжело, поэтому он попросил освободить его от работы в ООН. В качестве посла Нидерландов в Вашингтоне он занимался подготовкой Брюссельского пакта 1948 г. вместе с представителями госдепартамента США, а также коллегами из Франции и Люксембурга участвовал в переговорах относительно текста будущего Североатлантического договора 1949 г., продемонстрировав себя в качестве опытного переговорщика.

В начале 1950-х годов Ван Клеффенс в связи с ухудшением здоровья его супруги попросил перевести его на службу в более спокойное место, и этим местом стал Лиссабон, где он занял должность посла Нидерландов. Поскольку работа была менее напряженной, у него оставалось время заниматься его любимым делом — изучением международного права, так что ему удалось даже опубликовать несколько работ⁷⁰. Впрочем, его деятельность не ограничивалась обязанностями посла. В 1954 г. он был выбран председателем Генеральной Ассамблеи ООН, а двумя годами позже занял пост постоянного представителя при НАТО и в Организации Европейского сотрудничества.

В 1967 г. Ван Клеффенс отошел от активных дел и остался в Португалии, посвятив себя написанию мемуаров и работ по истории испанского права⁷¹. Элко ван Клеффенс скончался в 1983 г., ему было 88 лет.

Деятельность Элко ван Клеффенса высоко оценивалась и современниками, и его последователями на высоких дипломатических постах. Память о министре осталась не только в его политических свершениях и книгах, но была также увековечена и чисто по-голландски: еще при жизни дипломата в его честь был назван цветок. И теперь в садах и парках, не только на его родине, но и в других странах мира, в том числе и в России, можно увидеть красивые крупные оранжевые георгины сорта Амбассадор ван Клеффенс (*Ambassadeur van Kleffens*)⁷². Очень символичная награда за верную службу Отечеству и Королеве.

⁶⁹ *Kleffens E. N. van*. Belevenissen II. 1940–1958. Alphen aan den Rijn, 1980, p. 126–127.

⁷⁰ См. *Kleffens E. N. van*. Sovereignty in International Law. Leiden – Boston, 1953.

⁷¹ См., например: *Kleffens E. N. van*. Hispanic Law until the End of the Middle Ages. With a Note on the Continued Validity after the Fifteenth Century of Medieval Hispanic Legislation in Spain, the Americas, Asia and Africa. Edinburgh, 1968.

⁷² В 1973 г. в СССР издательством «Планета» была выпущена тиражом 500 тыс. экземпляров открытка, на которой поместили фотографию георгин этого сорта.